

Ставка –
ЖИЗНЬ

Владимир
Маяковский
и его круг

BENGT JANGFELDT

Med
livet som
insats

Berättelsen om
Vladimir Majakovskij
och hans krets

БЕНГТ ЯНГФЕЛЬДТ

Ставка — ЖИЗНЬ

Владимир
Маяковский
и его круг

Перевод со шведского

Аси Лавруши
и Бенгта Янгфельдта

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Я60

Все права на произведения, включенные в настоящее издание, принадлежат авторам и их наследникам.

First published by Wahlström & Windstrand, Stockholm, Sweden.

Издательство благодарит ГБУК города Москвы “Государственный музей В.В. Маяковского” за предоставленные изобразительные материалы.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Янгфельдт, Бенгт.

Я60 Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг / БЕНГТ ЯНГФЕЛЬДТ ; пер. со швед. АСИ ЛАВРУШИ и БЕНГТА ЯНГФЕЛЬДТА. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 528 с.

ISBN 978-5-17-094260-2

Ни один писатель не был столь неразрывно связан с русской революцией, как Владимир Маяковский. В борьбе за новое общество принимало участие целое поколение людей, выросших на всепоглощающей идее революции. К этому поколению принадлежали Лили и Осип Брик. Невозможно говорить о Маяковском, не говоря о них, и наоборот. В 20-е годы союз Брики — Маяковский стал воплощением политического и эстетического авангарда — и новой авангардистской морали. Маяковский был первым поэтом революции, Осип — одним из ведущих идеологов в сфере культуры, а Лили с ее эмансипированными взглядами на любовь — символом современной женщины.

Книга Б. Янгфельдта рассказывает не только об этом овеянном легендами любовном и дружеском союзе, но и о других людях, окружавших Маяковского. Она рассказывает о водвороте политических, литературных и личных страстей, который для многих из них оказался гибельным. В книге, проиллюстрированной большим количеством редких фотографий, использованы не известные до сих пор документы из личного архива Л. Ю. Брик и архива британской госбезопасности.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-094260-2

- © Bengdt Jangfeldt, 2007 by agreement with Banke, Goumen&Smirnova Literary Agency, Sweden
- © Ася Лавруша, перевод на русский язык, 2009
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
- © ООО “Издательство АСТ”, 2016
Издательство CORPUS ©

Оглавление

Радостнейшая дата. 1915	9
Володя. 1893–1915	13
Лили. 1891–1915	35
Облако в штанах. 1915–1916	63
Первая революция и третья. 1917–1918	93
КОМФУТ. 1918–1920	127
Нэп и закручивание гаек. 1921	147
Тоска по Западу. 1922	171
Про это. 1923	209
Свободен от любви и от плакатов. 1923–1924	235
Америка. 1925	265
Новые правила. 1926–1927	299
Татьяна. 1928–1929	341
Год великого перелома. 1929	381
Во весь голос. 1929–1930	415
Первая большевистская весна. 1930	443
Ставка — жизнь	481
Вторая смерть Маяковского	491
<i>От автора</i>	518
<i>Источники и избранная литература</i>	519
<i>Указатель имен</i>	526

Многих из ближайшего окружения Маяковского я имел честь знать лично, некоторых из них близко — Лили Брик, Василия Катаняна, Романа Якобсона, Льва Гринкруга, Луэllu Краснощекову, Галину Катанян, Риту Райт, Татьяну Яковлеву и Веронику Полонскую.

Памяти тех, кто дал мне так много, посвящается эта книга.

Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут;
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.

У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огрóbмив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний.

Нежные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложит грубый.
А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!

В. МАЯКОВСКИЙ.
Пролог к поэме "Облако в штанах"

Радостнейшая дата

1915

“М

жду двумя комнатами для экономии места была вынута дверь. Маяковский стоял, прислонившись спиной к дверной раме. Из внутреннего кармана пиджака он извлек небольшую тетрадку, заглянул в нее и сунул в тот же карман. Он задумался. Потом обвел глазами комнату, как огромную аудиторию, прочел пролог и спросил — не стихами, а прозой — негромким, с тех пор незабываемым, голосом:

Вы думаете, это бредит малярия?

Это было,

было в Одессе.

Мы подняли головы и до конца не спускали глаз с невиданного чуда¹.

Владимир Маяковский писал стихи уже несколько лет, однако читкой “Облака в штанах”, состоявшейся у Лили и Осипа Бриков в Петрограде в июле 1915 года, начинался новый этап его литературной и личной биографии. “Брики отнеслись к стихам восторженно”, а Маяковский “безвозвратно полюбил Лилю”, — вспоминает младшая сестра Лили Эльза, присутствовавшая при чтении. Для Маяковского встреча с супругами Брик стала поворотной точкой его жизни — “радостнейшей датой”, как он ее назовет.

Летом 1915 года мировая война шла уже год, и все понимали, что за ней последуют серьезные политические и социальные преобразования. В сфере эстетики, в литературе, живописи и музыке революция была свершившимся

¹ Здесь и далее в цитатах сохранена орфография оригинала.

Итальянские футуристы Луиджи Руссо, Карло Карра, Филиппо Томмазо Маринетти, Умберто Боччиони, Джино Северини

фактом, и Россия заняла в этом процессе передовую позицию. Композитор Игорь Стравинский и Русский балет Дягилева взяли Париж штурмом; в художественной сфере русские шли в первом эшелоне, представленные такими именами, как Василий Кандинский, Михаил Ларионов, Владимир Татлин, Казимир Малевич... Каждый из них по-своему содействовал тому небывалому развитию, которое в эти годы переживала русская живопись.

Стартовый выстрел для “модернистского прорыва” дал итальянец Филиппо Томмазо Маринетти: в 1909 году он провозгласил появление нового эстетического течения — футуризма, охватившего литературу, живопись и музыку и призывавшего к разрыву с культурным наследием. И в России футуризм возымел колоссальное значение, особенно в литературе. Одним из лидеров этого движения стал, несмотря на свою молодость (на момент встречи с Лили и Осипом ему было всего двадцать два), Владимир Маяковский.

По меткому определению Бориса Пастернака, “он с детства был избалован будущим, которое далось ему довольно рано и, видимо, без большого труда”. Когда, спустя два года, это будущее наступило, оно носило имя Русская Революция — наряду с двумя мировыми войнами наиболее эмблематичное

политическое событие XX века. Революции, огромному социально-политическому эксперименту, целью которого являлось построение бесклассового коммунистического общества, Маяковский отдал весь свой талант и все свои силы; ни один писатель не был столь неразрывно связан с ней, как Маяковский.

В этой борьбе он был не один. В ней принимало участие целое поколение единомышленников, воспитанных на всепоглощающей идее революции. К тому же поколению принадлежали Лили и Осип Брик, которые были так же неразрывно связаны с Маяковским, как тот с революцией. Невозможно говорить о Маяковском, не говоря о них, и наоборот. В двадцатые годы союз Брики — Маяковский стал воплощением политического и эстетического авангарда — и новой авангардистской морали. Маяковский был первым поэтом революции, Осип — одним из ведущих идеологов в культуре, а Лили с ее эмансипированными взглядами на любовь и секс — символом современной женщины, свободной от оков буржуазной морали.

Начиная с ошеломляющего июльского вечера 1915 года Маяковский, Лили и Осип стали неразделимы. Пятнадцать лет существовал этот овейный легендами любовный и дружеский союз — пятнадцать лет, до момента, пока солнечным апрельским утром пистолетная пуля не разбила его вдребезги. И не только его — пуля, пронзившая в 1930 году сердце Маяковского, убила и мечту о коммунизме, предвестив наступление коммунистического кошмара тридцатых годов.

Об этом водовороте политических, литературных и личных страстей рассказывает эта книга, посвященная Маяковскому и его ближайшему окружению.

Маяковский в двадцатилетнем возрасте, 1913 г.

Володя

1893–1915

Рог времени трубит нами в словесном искусстве.
Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов.
Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч.
с Парохода современности.
Только мы — лицо *нашего* Времени.

Пощечина общественному вкусу

Маяковский родился 19 июля 1893 года¹ в селе Багдады на западе Грузии, неподалеку от губернского города Кутаиси. Его отец, Владимир Константинович, был лесничим и, согласно семейной легенде, происходил из запорожских казаков; считалось также, что фамилию семья получила благодаря тому, что большинство родственников со стороны отца отличались высоким ростом и недюжинной силой. Мать, Александра Алексеевна, была родом с Украины. У Владимира было две сестры: Людмила старше на девять лет и Ольга старше на три года. (Брат Константин умер от скарлатины в трехлетнем возрасте.) Семья принадлежала к дворянскому сословию, но жила исключительно на жалованье отца, что предполагало достойное существование без изобилия.

Высокий и широкоплечий, как и его предки, Владимир Константинович был веселым, приветливым, общительным и гостеприимным человеком с темными волосами и бородой. Он был очень энергичным и легко вступал в контакт с другими людьми. Говорил грудным басом, его речь, по словам старшей дочери, была наполнена “поговорицами, прибаутками, остротами”, и он знал “бесчисленное множество случаев и анекдотов и передавал их на русском, грузинском, армянском, татарском языках, которые знал в совершенстве”. Вместе с тем он был человеком весьма чувствительным и восприимчивым, обладал горячим темпераментом, а его настроение менялось “часто и резко”.

Мать была полной противоположностью отцу: сдержанная, худощавая, хрупкая, но с сильной волей. “Своим характером и внутренним тактом мама

¹ Даты в книге приводятся по григорианскому календарю. В XIX в. различие между ним и юлианским, который использовался в России до 1918 г., составляло двенадцать дней, в XX в. — тринадцать. По так называемому старому стилю Маяковский родился 7 июля. (*Здесь и далее — прим. автора.*)

нейтрализовала вспыльчивость, горячность отца, — рассказывала Людмила. — За всю жизнь мы, дети, не слышали не только ругани, но даже резкого, повышенного тона”. У матери были каштановые волосы, высокий лоб и несколько выступающая челюсть. Внешностью Володя походил на мать, сложением и характером — на Владимира Константиновича, который передал сыну и свой темперамент, и чувствительность; от отца же Володя унаследовал глубокий бас.

В небольшом горном селении, где Володя провел первые годы жизни, насчитывалось порядка двухсот дворов и менее тысячи жителей. Расположенное в глубокой долине селение обступали высокие и крутые горы, покрытые лесами, где было полно медведей, косуль, кабанов, лис, зайцев, белок и всевозможных птиц. Володя рано научился любить животных. Дома были окружены огромными виноградниками и разными фруктовыми деревьями: яблонями, грушами, абрикосами, гранатами, инжиром. В резком контрасте со щедростью природы находилась скудость административных ресурсов селения, где была почта, но не было школы и врача. Расстояние до Кутаиси, ближайшего города, составляло 27 километров, и единственным средством сообщения служили почтовые дилижансы. Когда Ольга и Константин заболели скарлатиной, врач ехал так долго, что спасти мальчика уже не удалось.

Их дом стоял чуть в стороне от центра селения, на правом берегу реки Ханис-Цхали. По словам Володиных сестер, он был похож на дом золотоискателей в Калифорнии или Клондайке. В нем было три комнаты, одна из которых служила конторой лесничего. Неподалеку от дома протекал бурный горный поток с каменистым руслом. Дети проводили много времени на улице, и Володя рано научился плавать и ездить верхом. Он очень любил опасные игры и занятия — чем опаснее, тем лучше. Вместе с Ольгой лазал по деревьям, карабкался по горам, бегал по узким горным тропинкам, змеившимся среди отвесных обрывов.

Безудержное воображение и изобретательность, которые Володя демонстрировал в играх, предрекали будущую мощь его творческого потенциала. То же самое можно сказать и о другом качестве, проявившемся у Маяковского уже в пятилетнем возрасте: его способности декламировать стихи. Не получивший высшего образования отец был, однако, влюблен в литературу и часто читал домочадцам классиков: Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Село Багдады располагалось в стороне от главных дорог, но, несмотря на это, к ним часто приезжали родственники, особенно летом, и тогда Владимир Константинович просил Володю декламировать стихи гостям. Не умевший еще ни читать, ни писать, мальчик обладал феноменальной памятью и декламировал хорошо и выразительно. А чтобы тренировать голос, он залезал в опрокинутые на земле большие кувшины для вина и читал стихи Ольге, которая изображала находившуюся снаружи публику.

Как в играх, так и в заучивании стихов присутствовал сильный элемент состязательности. Володя стремился любой ценой стать первым и охотно при-

Володя Маяковский с родителями и сестрами Людмилой (стоит) и Ольгой (сидит), 1905 г.